

Галина УЛЬЯНОВА

«НЕТ МНЕ ОТВЕТА...»

В.П. Астафьев о В.М. Шукшине и не только

«Могучий он был человек – и духа могучего, и таланта!»

Валентин Распутин о Викторе Астафьеве

У меня в руках бесценная книга с притягивающим к себе названием «Нет мне ответа». Эпистолярный дневник. Виктор Астафьев. – М. Эксмо, 2012. – 896 с. (Большая книга).

Первое, что приходит в голову: посмотреть, нет ли среди всех писем хотя бы одного письма к В. Шукшину или от Шукшина Астафьеву. Сразу читаю содержание: нет... Жаль... Смотрю «Указатель имён» и нахожу: «Шукшин Василий Макарович, прозаик, актёр, режиссёр, Москва...». Дальше указаны страницы, на которых упоминается известное имя. Конечно, читаю сначала письма и строчки о В.М. Шукшине.

Приглашаю это сделать, уважаемые читатели, вместе со мной. Есть интересные и малоизвестные, а то и вовсе не известные строки выдающегося писателя двадцатого века о своём «собрате по перу», как он называет В. Шукшина.

В двадцати письмах, написанных в разное время и разным адресатам, упоминается В.М. Шукшин. Во многих случаях отзыв большого русского писателя интересен, необычен, практически не был известен до выхода этой книги. Заслуживают внимания и размышления о судьбах русских писателей, судьбах нелёгких, подчас трагических, как и судьба нашей многострадальной Родины – матушки России.

Первый отзыв-воспоминание о Шукшине В.П. Астафьев написал ещё в 1979 году:

«Во время съёмок «Калины красной» он бывал у меня дома в Вологде. Сидел он за столом, пил кофе, много курил. И меня поразило некоторое несоответствие того, как о нём писали... Его изображали таким мужичком... Есть такое, как только сибиряк – так или головорез, или мужичок такой... И сами сибирячки ещё любят подыграть... Так вот, за столом передо мной сидел интеллигент, не только в манерах своих, в способах общения, но и по облику... Очень утончённое лицо... В нём всё было как-то соответственно. Он говорил немного, но был как-то активно общителен... У меня было ощущение огромного счастья от общения с человеком очень интересным... Вот такой облик во мне запечатлелся и таким запечатлелся навсегда...»

В свою очередь, Шукшин в письме к В. Белову написал: «Вите Астафьеву – привет. Скажи ему мой совет: пусть немного обозлится».

В письме к В. Юровских 6 ноября 1974 года Виктор Петрович пишет:

«... В один день пришли письма от тебя и Вити Потанина. Очень я рад, что всё у вас так хорошо пошло. Я безвылазно сидел в деревне, нога зажила, раскачиваюсь, начинаю работать, собирал боровые плоды, брусику, удил – хорошо окупёк берёт».

Выехал на съезд книголюбов, и в Москве меня подсекла весть о смерти Василия Макаровича Шукшина – земляка моего, которого я сильно любил и гордился им. Вот уж не везёт русским талантам, и самородкам в особенности!

Мысли кислые какие-то. И нет их, мыслей-то. Снова еду завтра в деревню – мне работа в горе первое лекарство...»

Пространные комментарии к письму, по-моему, излишни: два слова объясняют отношение старшего писателя к рано ушедшему младшему «собрату» – «подсекла весть» и «горе».

В письме В.Я. Курбатову от 13 ноября 1974 года читаем:

«Ах ты! Ах ты! Живёшь, живёшь! В праздник погиб у нас на своей машине Коля Бурмагин, прекрасный график. Разбился весь, изуродовался, а в гробу лежит – мальчик-мальчиком, только борода седая. Меня оторопь берёт от наблюдения последних десяти лет – все покойники, даже пропойцы, стали выглядеть в гробу красивыми и успокоенными. Коля Рубцов остановил на губах ироническую улыбочку: что, дескать, взяли? Я-то отмучился!»

А Вася Шукшин лежал в гробу с выражением некоего лёгкого упрёка. Ну, я уж совсем на минор перешёл, а мне ведь сегодня ещё работать!...»

В марте 1975 года Астафьев пишет Николаю Волокитину:

«Дорогой Коля!»

Что же это ты стал так часто и тяжело болеть? Молодой ведь ещё. Надо тебе всерьёз заняться своим здоровьем. Писателю современному нужно много здоровья, чтобы работать и выносить всё, что вокруг и внутри литературы творится...»

Заканчивает письмо Виктор Петрович наказом:

«Шлю горькое и поучительное последнее интервью Шукшина – почитайте все. Полезно!»

Речь, конечно же, об интервью В. Шукшина корреспонденту «Литературной газеты» Г. Цитриняку летом 1974 года во время съёмок фильма «Они сражались за Родину». Опубликовано 13 ноября этой газетой под заголовком «Ещё раз выверяя свою жизнь...» И дополнения к данному интервью, сделанные болгарским корреспондентом Спасом Поповым в газете «Народна култура».

В. Шукшин в этом интервью определяет свою позицию в литературе, кинематографе, своё отношение к писателям и писательскому труду...

7 апреля 1975 года Астафьев пишет письмо Ю. Алексеевой и Е. Капустину. Это даже не письмо, а мини-рассказ, если возможно так назвать. Прекрасное описание реки, художественное, как умел это делать

Виктор Петрович, реки, только что освободившейся от зимнего льда, вырвавшейся на волю.

«Я пошёл домой, оглянулся, река всё дышала, чуть растерянная, ещё не привыкшая к нагоде. Я вспомнил Шукшина, его «Калину» и подумал, что вот так, наверное, как он сыграл, выходит арестант из-под конвоя на волю, делает выдох, удаляя из себя спёртый горький воздух неволи, и, громко топая, вслушиваясь в вольные шаги, пока ещё не веря себе, идёт и идёт, сам не зная куда, лишь бы идти, лишь бы слышать свои шаги, дышать своей грудью вольно!»

Ничего не знаю прекрасней реки, она заставляет жить, думать, куда-то стремиться...»

И снова письмо Валентину Курбатову 2 декабря 1977 года (Писем В.Я. Курбатову много, и письма обстоятельные).

«Увёз книгу в Москву. Думаю, пока читают в издательстве, хоть в театры похожу. Куда там! Навалилось какое-то вороньё из газет, из полудрузей, просто людей любопытных, и спать-то не дают, а тут ещё с кино надо было помогать, да и друзей-то хоть немного повидать. Трижды выступал, редколлегия журнала была и ещё какие-то дела. И все в голос: «Вы должны!» Я уж в Академии общественных наук, выступая, ляпнул, что всё время и всем должен, а мне почему-то никто и ничего...

Было пятилетие со дня кончины Я.В. Смелякова, узким кругом ездили на Новодевичье. Шёл проливной дождь, а хотелось и Александру Трифоновичу (Твардовскому) поклониться, и к Василию Макаровичу (Шукшину) завернуть. Завернул, спрашиваю:

«Ты чего ж, Макарыч, в такую сиротскую зиму здесь один лежишь? Зачем тебе это нужно?..» Молчит, смотрит с портрета печально, как бы говоря: «А что делать, земляк? И ты ляжешь. Между прочим, здесь несколько не хуже, чем у вас, даже потише маленько, и все, воистину, равны...»

Круг общения писателя был очень широк: это не только собратья по перу, но и критики, издатели, режиссёры, актёры...

Так, в письме к Народному артисту СССР Михаилу Ульянову в декабре 1977 года Астафьев пишет:

«Вчера я Вас видел по телевидению в «Театральных встречах», откуда и узнал, что Вы начали работать над шукшинским «Разиным». Я знал Василия Макаровича, он бывал у нас дома, и рад, что самый дорогой ему материал попал в Ваши, а не в какие-то другие руки. Рад, что Пугачёва (Думаю, что это ошибка редакторов. Речь-то идёт о Разине. Авт.) будет играть Матвеев, манит исторический материал, слово Шукшина, звучное и неистовое, поворотит его на назначенную Богом стезю и уведёт из придворья».

Спектакль по роману В.М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю» состоялся в 1979 году в театре имени Вахтангова. В роли Степана Разина был Народный артист СССР Михаил Ульянов. После каждого спектакля актёр терял два килограмма веса.

В этом же письме Виктор Петрович сочувствует людям, создающим кино: «Сняли на «Мосфильме» и первую картину по моей повести «Перевал». Фильм называется «Сюда не залетали чайки». К картине отношение хорошее – она очень скромная, но сделана с большим уважением

к нашим людям и земле. Побывал я на съёмках. Ну и хлеб киношный! Уж наш вроде бы нелёгко и с полыньёю пополам, а этот, не знаю, с чем и сравнить. Разве что с солдатским, фронтовым – столь много надо самоотверженности, преданности и любви к этому шебутному делу».

В письме от 14 апреля 1979 года Михаилу Шламову (Другу детства. Авт.).

«... Знаешь ли ты, что нынче юбилей нашего незабвенного города детства? Да, 29 июня в Игарке отмечается её пятидесятилетие. Многие старые игарчане собираются туда. Собираюсь и я. С 1959 года не бывал в Игарке. Хорошо бы поехать вместе. С начала июня я буду в родной деревне – час езды от Красноярска, в деревне найти меня легко. Там пробуду до начала июля, а потом, видимо, поеду на Алтай, на юбилей покойного собрата по перу – Василия Макаровича Шукшина».

14 сентября того же, 1979 года, написано письмо Вадиму Летову, в котором, кроме горестных слов по поводу смерти своего отца, неприятностей семейных (развод дочери), пишет:

«Бывал я на чтениях Шукшина. Ну и места, ну и природа! Красотища, и климат крымский. Народу было – тьма».

(Отмечалось пятидесятилетие В.М. Шукшина. Авт.).

В очередном письме В.Я. Курбатову 1-го ноября 1983 года Астафьев пишет о своей работе над романом о ВОВ, обращается за советом и помощью. Там же о планах:

«А поеду-ка я на курорт в Белокуруху отдохнуть. Очень устал. Надо отдохнуть и сил набраться для дальнейшей работы. Здесь отдыха не получается, звонят кому не лень, и спасенье ещё в том, что телефон плохо работает. Кроме того, в Алтайском крае живёт мой фронтовой дружок, и в самом Барнауле – семья погибшего товарища, надо навестить и того, и других. Может, и к Шукшину удастся съездить без толпы».

1-го ноября 1984 года опять В. Курбатову:

«В Москве на этот раз как-то непонятно провели время. Два раза были в театре, и оба раза в Малом, и оба раза удачно. Навестили любезных моему сердцу художников, чудесных русских братьев Ткачёвых, Алёшу и Сергея, пробыли у них почти целый незабываемый день. Побывали дома у Анатолия Дмитриевича Папанова, навестили дома больного Михаила Ульянова и повидались с Толей Заболоцким, с Лёвой Дуровым и со всеми приятными нашему сердцу людьми...»

Письмо твоё о смерти отца пришло как раз в момент эпопеи с печкой, я ничего не мог писать, даже в Ленинград на конференцию по Шукшину не поехал, что вызвало, конечно же, кривотолки и раздражение некоторых «борцов», более любящих своих собратьев вдогонку, да и не угодить мне всем-то, а погреться надо было».

Интересное письмо Евгению Носову отправлено в августе 1992 года. Во-первых, о съезде писателей того года:

«Съезд, или то, что было названо съездом, было последним позорищем, достойным нашего времени и писателей, которые это позорище устроили. Раньше как-то незаметней было. А тут сивые, облезлые старые неврастеники, ещё более пьяные и дурные, чем прежде, дёргаются, орут, кто во что горазд, видя впереди одну жалкую цель, чтобы им остаться хоть в каком-то Союзе, возле хоть какой-то кормушки.

О Господи! Более жалкого зрелища я, кажется, ещё не видел в своей жизни...»

А далее опять об Алтае:

«А мы с внучкой съездили на Алтай, в деревню, что напрямую в 30 километрах от шукшинских Сросток...

Ездил я на Шукшинские чтения, это уже второй год подряд, и второй год говорю:

«Не надо каждый-то год» – на Пикете скоро совсем не останется травы, да и село покоя не знает от празднично-патриотического напора. Опять было многолюдно, торговля с машин на горе бойкая шла, торговали всем, вплоть до спиртного, и ни единой книжки, ни бумажки, ни открыточки Шукшина нету, и вообще это дело превратилось в дежурное мероприятие...

Был я и в Смоленском, где Толя Соболев лежит... Тут было всё поскромнее и потише».

Книги-то Шукшина на чтениях продавались, но их, как правило, не хватало всем желающим, и разбирали всё с раннего утра. Люди приезжали часов в шесть-семь, занимали места поближе к сцене и к киоскам с книгами В.М. Шукшина. Так что Виктор Петрович просто не видел очередей за книгами, а делегации писателей и артистов подвозили к началу программы, когда, действительно, всё уже было распродано.

А вот со словами писателя о том, что Чтения превратились «в дежурное мероприятие», я полностью согласна. Особенно это стало заметно в последние годы: дежурные, как правило, хвалебные речи в адрес краевых властей, перемежающихся выступлениями актёров и некоторых коллективов, больше из краевой столицы... Теперь серьёзных вопросов, как было раньше, и к чему призывал В.Г. Распутин, обращаясь к высоким властям и к людям, нет.

«Здесь, на Пикете, надо говорить о главном, слушать лучшее», – вот его наказ.

Иногда кажется, что приехали хвалить друг друга, забыв, к кому явились, зачем здесь собрались...

Да простят меня читатели за лирическое отступление от темы.

Интересны, обстоятельны и высокохудожественны письма В.П. Астафьева Евгению Носову. 31 октября 1993 года пишет:

«Взялись, Женя, и за меня товарищи коммунисты руками крысиного зверолова Буйлова, по наущению и под руководством писательского начальства и других защитников русского народа пишут всякую слякоть, но я не читаю, разумеется, ихних изданий и никогда не отвечаю, так домой звонят. И каков же уровень защитников чистоты морали и высот патриотизма! Поля – внучка – взяла трубку, а та давай ей что-то про деда лепить, а она, бедная, лепечет, мол, я всё равно деда уважаю и буду уважать. Потом взяла куклу, причёсывает её и ворчит: «Какая некультурная женщина, а ещё читательшей себя называет...»

Я, конечно, помню, как в Блуднове взашей гнали из избы Яшина тех, кто его травил, и запретили им являться к могиле покойного поэта. Помню и Фёдора Абрамова, как он тряс своим чубом, увидев подпись родного дяди под письмом в «Правду», как он ему говорил: «Ты чё, дурак, хоть понимаешь, чего подписал?» – «Дак, я пьяной был,

говорят, мол, тут про Фёдора надо подписать. Откуль же я знал, чё там писано?»

Тут сразу приходят на память слова В.М. Шукшина: «Ни ума, ни силы, ни одной живой мысли. Да с помощью чего же они правят нами? Остаётся одно – с помощью нашей собственной глупости».

А дальше в этом же письме к Носову Астафьев продолжает:

«А как Василия Макаровича на родине честили, а теперь заливаются, слюнями брызгая: «Наш великий земляк! Наш знаменитый земляк!...»

А Василия Быкова как брали в оборот? В стогу сена за городом ночевал мужик. Дома сделалось жить невозможно. Мальчишка-школьник, плача, спрашивал: «Почему тебя, папа, все называют врагом народа?»

Один Володя Карпов стоял грудью против всех, так его так устряпали, что в последний раз я его едва узнал...

Ну что ж, «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца...» Вон когда сказано-то! И кем!»...

Примерно так же Василий Шукшин успокаивает свою мать по поводу глупой и несправедливой критики его фильма «Печки-лавочки» да и рассказов на малой родине, то есть на Алтае:

«Ты там не расстраивайся из-за глупой критики: не всякий же, кто ощерился, тот и сказал умное слово. Я делаю свои картины не для дураков. Обидно только, что за них же, идиотов, вступаешься (у них ведь жрать-то нечего), и они же намерены в тебя грязью кинуть. Но, видно, это всегда так было. Я спокоен».

Продолжая письмо, Виктор Петрович пишет:

– Видел, в «Москве» объявлены твои новые рассказы, буду ждать. Там же начала печататься совершенно изумительная повесть Ивана Шмелёва «Нянька из Москвы» – и от такой литературы мы были отторгнуты, читали шедевры Панфёрова, Кочетова, Кожевникова и прочих! Ах ты, Господи!»

Горький итог деревенской прозе подвёл В.П. Астафьев, также внёсший в неё свой весомый вклад:

«Мы отпели последний плач – человек пятнадцать нашлось плакальчиков о бывшей деревне. Мы и воспевали её одновременно. Как говорится, заплакали хорошо, на достойном уровне, достойном нашей истории, нашей деревни, нашего крестьянства. Но это кончилось. Сейчас идут только жалкие подражания книгам, которые были созданы двадцать-тридцать лет назад. Подражают те наивные люди, которые пишут про уже угасшую деревню.

Литература теперь должна пробиваться через асфальт».

В самом деле, во второй половине двадцатого века в русской, или хотите, в советской литературе, сложился мощный кулак писателей-патриотов, куда входили Виктор Астафьев и Василий Шукшин. Этого не скажешь о современной литературе, хотя остались единицы писателей, которые пытаются сохранить светлые идеалы и традиции настоящей русской литературы и борются, как могут, за честь и достоинство русского человека.

Хочется верить, что борьба их не пройдёт бесследно, приведёт к победе, сплочению, и родится ещё более мощный «кулак» в нашей литературе, который сможет «пробиваться через асфальт».

Хочется надеяться и верить, как верил В. Шукшин, как верил В. Астафьев, глядя с высоты Шукшинского Пикета на Родину:

«Пройдут годы, всё так же будут шуметь берёзы, всё так же будет катить воды Катунь, всё так же будут стоять Сростки, но я уверен, что слава этого человека, облик его будет в годах всё более благороден и светел».

P/ S.

Совсем недавно в мои руки попала книга ещё одного нашего писателя-патриота в полном смысле этого слова, который продолжает традиции В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина... «Уроки русского» – так называется его книга очерков о русском языке, русской литературе, истинно русских писателях 20-го – начала 21-го веков. Один из очерков посвящён памяти Василия Шукшина и назван «Сон сбился».

«Я познакомился с Василием Макаровичем в день его смерти, будучи в Архангельске, за тысячи вёрст от Шукшина. По-мирски случай необъяснимый. Он явился ко мне в сон, улыбочивый, ясноликий, по-братски дружественный; он вёл себя так искренне и доверительно, будто мы век были знакомы или считаемся за родню. Всю ночь мы вели задушевную беседу, потом Шукшин раскланялся и ушёл. Я проснулся с ощущением праздника, помня его каждое слово, словно бы слова зубилом вычеканились в памяти. С чувством душевной радости я включил телевизор; и тут России сообщили, что писателя не стало...» Это начало очерка.

А вот и концовка: «... Шукшин сражался за родину всю свою жизнь. Городское «болото» заталкивало Шукшина в диссиденты, а он, вступая в коммунисты, искренне писал в анкете: «От линии партии никогда не отклонялся».

...Наверное, слава Богу, что Шукшин не дожил до срама и глума девяностых годов, до безумной вакханалии бескорневых орд, той нежити, что, увы, не пропала в ночи и после «третьих петухов», а взялась с усердием царевать на России.

У этого вспылчивого, больного Россией, искреннего человека оставалось бы, наверное, два выхода: или бросить гранату через «кремлёвскую стену», или застрелиться».

